

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3:398.1:398.87:930.23:908

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЯНА БАРЩЕВСКОГО: «ДУБИНА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ»

д-р биол. наук, проф. Д.О. ВИНОХODOV
(Санкт-Петербургский государственный технологический институт,
Санкт-Петербургская ассоциация белорусистов)
vinokhodov@list.ru

Рассмотрен исторический контекст стихотворения Яна Барщевского «Рабункі мужыкоў». Приведён полный текст документа, позволяющего установить подлинные имена действующих лиц произведения, а также истинную последовательность событий и места их действия, в том числе, оставшиеся за рамками ныне известных фиксаций. Выявлены причины, вызвавшие быстрое подавление крестьянского бунта в окрестностях Нецерды. Установлены некоторые подробности о лицах, причастных к указанным событиям. Проанализирован эпизод биографии Барщевского, связанный с бегством семейства его отца от опасности.

Ключевые слова: Ян Барщевский, война 1812 года, крестьянский бунт, историческая основа литературного произведения, «Рабункі мужыкоў».

*«Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повёртывать начнёт»*

Некрасов Н.А., «Кому на Руси жить хорошо»

*«Бедные, бедные мятежники!
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь»*

Есенин С.А., «Пугачёв»

Введение. В полоцком периоде жизни Яна Барщевского существенное место занимают события, произошедшие во время Отечественной войны 1812 г. Они нашли отражение по меньшей мере в двух его произведениях. В «Шляхтиче Завальне» автор описывает сцену на берегу реки Дриссы, где семья его отца укрывалась от опасности во время Клястицкой битвы [1, s. 2–3], а в стихотворении «Рабункі мужыкоў» рассказывается о крестьянском бунте, спровоцированном французскими мародёрами.

Как известно, Р.А. Подберезский включил отрывок [2, s. XXVII–XXXII] из этого стихотворения в предисловие к упомянутой книге, указав, что написано оно «по случаю известного в окрестностях события, произошедшего в имении пана Малиновского в Шнитовках, что в 50 верстах от Полоцка»:

*Як пранцуская сіла
Из за Дзвіны наступіла,
Нам стала карціць
Чтоб парадак пріўраціць.*

*Аднакаж сядзелі ціха,
Аш тут пріносіць ліха
Пранцузоў у наш двор,
І нутка дзелаць здор.*

*Клеці паразбівалі
Паноў шашых загналі,
Нас казалі пазбіраць*

І гарэлку піць і браць.
 Пранцузы нас пахвалялі
 Об нашым краю упоўнялі,
 І на мігі нас прасілі
 Каб мы с німі двор лупілі.

І мы доўга там гулялі
 Что хацелі пілі, бралі.

Тот брал плацья на вяроўку,
 Чым абшыць жонкі шнуроўку,
 Цыны, медзі сколько мог,
 Чым абліць дуду і рог...

Іншый быдло занімаець,
 Другій адзеньне хапаець,
 Іншый толькі есць і пьець,
 Другій шаблёй куры бьець.

.....
 Калі ўжо так гуляюць
 Пачулі, с пушэк стреляюць,
 “Галён! галён!” закрычалі
 І ўсе з двору, высыпалі

У Кляссіцах о дзве мілі
 Крвавую вайну чынілі.

Як пранцузы вышлі самі
 Мужыкі былі панамі.
 І калі так пагулялі
 Раду сабе укладалі.

Першый Мінка сеў за стол,
 У куты глядзіць як сакол,
 На крэсьлі гдзе сядзеў пан,
 Пуза як барабан.
 А ногі як разапнець
 Хоць с калёсамі праець.

– Помню я тые векі
 Як жылі паноў прэдкі,
 Нас у некруты ня бралі,
 Ах! што за паны бывалі!

Хаць на лбе валос і нет,
 Да ўжо ж усы на ўвесь сьвет!
 Два рукава мелі красных
 І ешчэ два з заду запасных,

З адней полы ў тых паноў
 Семёро пашыў ітаноў!
 А гэты і нас паелі,
 І самі ўжо згалелі.

Палы сабе набрэзалі
 Хвасты с заду падсекалі,
 І цяпер ужо ўсякай
 Кусай з заду.

.....
 Прыдзеш у двор, баішся
 Пакуль к пану зблізішся
 Долга галаву скрабеш...

.....
 Ешчэж гэта не канец
 Палажыш на стол яец,
 І тут ешчэ страх бярэць
 Ждаць што пан запяець...

.....
 Пусьць мне хоць пабьюць штаны,
 Да ўжо ж ня будуць паны!

В примечании Подберезский также даёт пояснение относительно личности одного из названных по имени персонажей стихотворения – Минки: «лакей пана Малиновского, который больше всех озоровал во время этих волнений, впоследствии повешенный в Шнитовках».

Из нескольких независимых фиксаций¹ данного стихотворения (тоже весьма отрывочных) известны иные действующие лица и иные подробности. Трудно сказать совершенно однозначно, в какой мере эти дополнительные сведения исходят от самого Барщевского, а в какой могут быть плодом народной переработки, поскольку текст стихотворения в процессе многократной устной передачи мог и должен был претерпевать трансформацию – вероятно, в некоторых случаях весьма значительную. И всё же мы считаем необходимым принять их во внимание, поскольку они могут отражать реальные исторические события².

Основная часть. В своей речи, помимо критики панов, Минка произносит ещё и следующий призыв: «Ну-тка, братцы, будзем жыць, // Пакінем прыгон службыць, // Зробім сабе вольну Рэч, // Не будзе нас ураднік сеч», и далее: «Нада нам за калы брацца, // А вольнасці старацца (вариант: Старой Польшчы дабівацца)». В результате собравшиеся приняли решение: «Гэта Мінка, як сказаў, // Усім ахвоты падаў, // Прысягнулі: “Будзем біцца, // Хоць усім кроўю абліцца!”».

В поддержку Минки высказывается ещё один крестьянин – «Даніла, у каторага вялікая сіла» – именно он произносит фразу: «пусць мне хоць пабыюць штаны, // Да ужо ж ня будуць паны!». Далее в разговоре звучат и иные примечательные замыслы крестьян: «Калі гуляць, дык гуляць, // Будзем і мы двары рабаваць, // Дробную шляхту паабдзіраем, // Дай к чорту папраганяем, // Досьць нас бізунум сеч, // Цяпер мы іх будзем печ. // Наша пара жіць, гуляць, // А аканома ў саху запрагаць!»; «Не пастукаець у акно – // Мужык ці пан – усё раўно! // Прагнаць паноў, як сабак! // Будзець і ўсім шляхтам так!».

Из статьи Р.А. Подберезского можно заключить, что события, описанные Барщевским, были достаточно хорошо известны современникам, однако в литературоведческих публикациях мы почти не находим каких-либо подробностей этой истории. Лишь Р. Земкевич в своей известной брошюре указывает: «Верш адносіцца да 1812 году і французкай вайны. Калі селянам загадалі біць ўсіх французоў, якіе аставаліся за арміяй Наполеона, ўсе з гэтаго ахвотна карысталі і нават злажылося колькі разбойніцкіх банд, каторыя нападлі на двары і грабілі іх. Напаткаўшы дзе пана або аканома, калі гэта былі іх крыўдзіцелі, распраўляліся з імі без міласці»; и далее: «Мінка – лёкай пана Маліноўскага з вёскі Шнітоўкі. Гэтаго Мінку, камандзера разбойніцкай банды, пасля злавілі і павесілі ў Шнітоўках» [5, с. 12]. Однако даже этот краткий комментарий, хотя и имеет отношение к событиям, происходившим на белорусских землях в целом, вряд ли может оказаться полезен для понимания разбираемого конкретного случая. Обратимся же за помощью к исторической литературе, к архивным документам и посмотрим, что происходило в северной Беларуси и в окрестностях Нещерды.

Итак, основные силы Наполеона из Вильно через Глубокое и Бешенковичи за метром метр шли на Витебск. Севернее, с некоторым отставанием, практически параллельным маршрутом, вдоль левого берега Двины от Динабурга к Полоцку двигался Второй армейский корпус французских войск под командованием маршала Удино. По правому же берегу реки, прикрывая от врага дороги на столицу Российской Империи, также параллельными путями следовал Первый пехотный корпус генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна.

Утром 14 (26) июля передовые силы Удино переправились на пароме через Двину и заняли Полоцк. Прибыв в город, маршал встретился «с приором иезуитов³, французским эмигрантом, который сообщил ему сведения о русской армии» [8, с. 17]; в тот же день, он доложил в письме начальнику штаба Великой армии маршалу Л.-А. Бертье: «Монахи и помещики этой области протестуют против своих крестьян, которые восстали и предались грабежу, я хочу знать, какого образа действий следует придерживаться в этом отношении на правом берегу Двины» [8, с. 17]. Из процитированного донесения видно, что народные возмущения и бунты начались ещё до вступления французов на полоцкие земли. Казалось бы, благородные, просвещённые и цивилизованные европейцы должны были всецело поддержать крестьян и принести им освобождение от крепостной зависимости, как это было сделано в герцогстве Варшавском. Во всяком случае, существует мнение, согласно которому у Наполеона были такие планы.

Но свой вопрос Удино задал отнюдь не случайно. Полумиллионное французское войнство, в отличие от русской армии, не имело собственных продовольственных и фуражных запасов, и неизбежно было вынуждено добывать хлеб насущный на захваченных землях. «По пути между Вильно и Витебском каждый полк и отряд должен был уже сам заботиться о своём продовольствии [...] Едва достигали бивака, как армия рассыпалась в поисках провианта» [9, с. 45]. На левом берегу Двины, составлявшем тыл французской армии,

¹ Подробный анализ таких фиксаций приведён в работах [3; 4].

² Далее при цитировании иных вариантов стихотворения мы используем стереотекст, составленный Ю.В. Потнопо [4, таблица 2 на вклейке].

³ По-видимому, это был регент конвикта (директор пансиона) Полоцкой иезуитской академии Дидье Ришардо (1769–1849). Родился он во Франции, окончил Сорбонну, в 1789 г. бежал от Французской революции и в 1792 г. оказался в Полоцке, где прошёл двухлетний новициат, ещё 4 года изучал теологию, после чего в 1798 г. принял священнический сан [6, с. 5, 41; 7, с. 424–425].

новые власти были заинтересованы в сохранении организованного продуктивного хозяйства – поспевал урожай. И потому их политика была однозначной: «Все земледельцы и поселяне обязаны быть послушными своим панам, арендаторам имений или их экономам; обязаны ничем не нарушать хозяйскую собственность, отбывать работы и исполнять те повинности, которые предписаны им по инвентарям и которые они исполняли до сего времени. [...] Неисполняющие этого и плохо работающие по донесению владельцев имений должны быть урезонены, наказаны и принуждены к исполнению своих повинностей поветовыми властями, с использованием даже воинской силы, если этого требуют обстоятельства» [10]. Все случаи неповиновения крестьян своим хозяевам жесточайшим образом подавлялись экзекуционными отрядами⁴.

А вот правый берег Двины в основном оставался подконтрольным российским гражданским властям, потому и политика французов в этой местности была абсолютно иной. Судить о ней можно, в частности, по приказу, отданному Бертье командиру Шестого корпуса, находящегося в Бешенковичах, генералу Гувьону Сен-Сиру: «Высылать партии к Сиротино и производить регулярные реквизиции на правом берегу [...] Не извлекайте ничего для вашего армейского корпуса с левого берега» [8, с. 26]. Отряды провиантмейстеров и фуражиров добирались куда только могли и опустошали встретившиеся на пути хозяйства. При случае они грабили и друг друга, когда имели такую возможность [9, с. 53–56]. Дабы не столкнуться с сопротивлением крестьян – единственной силы, которая могла бы активно воспрепятствовать им – мародёры старались перетянуть их на свою сторону: распространяли слухи об объявлении вольности, подстрекали к бунтам против панов и вовлекали в свои грабежи. Таким образом, эпизод, описанный Яном Барщевским, находился в общем русле множества подобных событий.

Рисунок 1. – Христиан Вильгельм фон Фабер дю-Фор. Реквизиция

Из Полоцка Удино сразу же выслал разведку по Невельской и Себежской дорогам. Продвинувшись в этих направлениях на 5 лье (22 км), русских войск французы не встретили⁵. На следующий день, дождавшись переправы основных сил по наведённому за ночь мосту, маршал принял решение оставить в городе лишь один батальон и отдал приказ о выдвигании в сторону Себежа. 16 (28) июля лёгкая кавалерия французов подошла к броду через реку Дриссу возле Сивошино, днём позже туда стали подтягиваться пехотные части. В это время войска Витгенштейна шли наперерез французам из Росицы через Кохановичи.

Столкновение произошло возле Клястиц. Удино прибыл туда к полудню 18 (30) июля, его передовые силы, перейдя через реку Нищу, заняли позиции в деревне Якубово, где вскоре были атакованы гродненскими гусарами и егерями, шедшими в авангарде русских войск. Упорный бой шёл до ночи и возобновился с подходом основных русских сил в 3 часа утра следующего дня. Не выдержав атаки, французы отступили. Некоторое время они пытались удержаться на берегу Нищи, но были опрокинуты и бежали из Клястиц обратно к Полоцку, преследуемые отрядом генерал-майора Я.П. Кульнева «по дороге, усеянной бумагами и обломками обозов французских». К вечеру 19 (31) июля Удино был отброшен за сивошинский брод на Дриссе. Стремясь развить успех, Кульнев рано утром 20 июля (1 августа), не дожидаясь главных сил Витгенштейна, перешёл через Дриссу и продолжил наступление. Однако у деревни Боярщина, которая располагалась на перешейке между

⁴ Анализ подобных случаев приведён в работе [11, с. 88–89].

⁵ Здесь и далее последовательность военных действий от Клястицкой битвы до Первого Полоцкого сражения излагается по работе [8, с. 18–112].

озёрами Клетно и Лонье, он попал под огонь французской артиллерийской батареи, после чего на него бросилась в атаку пехота, и он был вынужден повернуть назад к Сивошино. На переправе через Дриссу генерал погиб, а его отряд отступил к Головчицам, куда уже успел дойти Витгенштейн. Здесь развернулось сражение, в котором Витгенштейн был ранен, но русские войска вновь отбросили Удино к Полоцку.

Рисунок 2. – Карта местности

В это самое время в 35 километрах к востоку от Клястиц, ближе к Невельской дороге, происходили события, описанные Яном Барцевским. Их подробности известны нам из рапорта [12, л. 41–42], составленного по итогам расследования и направленного три месяца спустя генерал-майором Фёдором Филипповичем Довре (к тому времени – уже начальником генерального штаба российской армии) военному министру генерал-лейтенанту князю Алексею Ивановичу Горчакову⁶. Поскольку события в этом документе излагаются не в хронологическом порядке, а в соответствии с логикой судебного заключения,

⁶ Данный документ был введён в научный оборот В.И. Бабкиным и цитировался в его статье [13]. Однако следует

мы приведём его здесь в виде отдельных выдержек, а полный текст поместим в конце статьи – для тех историков, которым он будет полезен.

Рисунок 3. – Ф.Ф. Довре

Началось всё с того, что «шляхтич Леон Игнатовский, которой добровольно записавшись во французскую службу, июля 20го числа⁷ в День сражения бывшего под Клястицами, приехал в вотчину помещика Малиновскаго с 14^ю французами, объявил крестьянам вольность, приказывал им на господские пригоны не ходить и господина своего не слушать, позволил разграбить мызу онаго помещика Малиновскаго, и с того времени он Игнатовский провозглашая вольность, бунтовал разных помещиков крестьян, находился с ними в грабительстве».

К грабежу в Шнитовках присоединились крестьяне. «Дворовый человек Данила Макаров, услыша о вольности от Игнатовскаго, первой обругав своего помещика Малиновскаго стал грабить в мызе господские вещи, потом управлял во всё время бунтующимися крестьянами».

Далее беспорядки перекинулись на соседнюю деревню Дворище, где находился казённый магазин (продовольственный склад): «Крестьянин Семён Грачуха, привёл французских марадёров и бунтующих с ними крестьян в свою вотчину помещика Политики, взбунтовал крестьян, поощрил их на грабёж мызы своего помещика и при оной состоявшаго Казённаго провиантскаго Магази́на». Повторилось всё и в деревне Дейчино: «Крестьянин Ларион Куршонок, навёл французов и бунтующих крестьян в мызу своего помещика Рыпинскаго и ограбил оную ночным временем, искал случая убить Арендатора Рудинскаго». Затем бунт распространился и на иные близлежащие имения: «Полоцкаго Уезда около Краснополя помещиков: Отставнаго надворнаго Советника Малиновскаго, Полоцкаго поветоваго Маршала Рыпинскаго, отставнаго подполковника Снарскаго, Дворян: Политики, Драшковскаго и Богомолеца крестьяне [...] взбунтовавшись, вышли из повиновения у своих помещиков и соединясь с французскими марадёрами, разграбили Казённый Магази́н состоящий в деревне Дворище при мызе помещика Политики, потом все мызы ограбили ж и своих помещиков прогнали».

Между тем Витгенштейн, дабы иметь возможность сдерживать, помимо Удино, ещё и находящийся в Динабурге Десятый корпус французских войск под командованием маршала Э.-Ж. Макдональда, отказался от наступления на Полоцк и 23 июля (4 августа) отправился маршем в Росицу, куда прибыл через три дня. В тот же день, 26 июля (7 августа) Удино получил в подкрепление Шестой корпус Сен-Сира и предпринял второе наступление, на этот раз вдоль левого берега Дриссы на запад к Волынцам и далее на север на Кохановичи. Но 30 июля (11 августа) на берегах реки Свольны он потерпел очередное поражение и вернулся к Волынцам, а 1 (13) августа стал отходить к Полоцку, постоянно теснимый русскими

отметить, что, с одной стороны, цитирование это было фрагментарным, а с другой, вычитка документа была неточной. Впоследствии информация из статьи Василия Ивановича использовалась во многих работах других авторов – соответственно, с теми же ошибками. Отсутствие в научном обороте полного текста документа не позволяло до настоящего времени соотнести описанные в нём события со стихотворением Яна Барщевского.

⁷ 1 августа по новому стилю.

войсками. 5–6 (17–18) августа состоялась ожесточённая битва, известная как Первое Полоцкое сражение. Взять город Витгенштейну не удалось, и он отступил за реку Дриссу, начав строительство укрепленного лагеря возле Сивошино. Главная же квартира корпуса расположилась в Соколищах. На этих позициях русские войска оставались в течение двух последующих месяцев.

Вернёмся к событиям возле Нещерды. Грабежи в тамошних местах, продолжавшиеся без малого три недели, по какой-то причине настолько обеспокоили командование русской армии, что для усмирения взбунтовавшихся крестьян Витгенштейном «командирован был Московского Драгунского полка поручик Квятковский с 40 человеками конных драгун». Этот отряд, по всей видимости, вышел со стороны Полоцка по Невельской дороге на другой день после первого Полоцкого сражения и, соответственно, должен был прибыть в имение Снарского Краснополье к вечеру 7 (19) августа.

То, что произошло дальше, пожалуй, было не менее удивительным, нежели история, поведанная Адамом Мицкевичем в его знаменитой поэме «Пан Тадеуш». Приближение отряда не осталось незамеченным, его уже ждали. Когда поручик Квятковский, переночевав в Краснополье, утром 8 (20) августа направился в сторону Нещерды, «крестьяне помещика Рыпинского [...] собрались вооружённые ружьями, пиштолетами, кольями, и выгнали его из деревни Каменки; потом соединясь других вотчин с крестьянами, составили толпу до пяти сот человек, преследовали онаго Квятковского по всем местам; а на конец при мызе Казулине августа 9го числа⁸ на разсвете обошли его со всех сторон та их толпа, бунтовщики с стрельбою и большим криком бросились на команду, смяли оную, убив до смерти двух человек драгун и столько же лошадей, поручика Квятковского и заседателя Ольшевского прибили безчеловечно, потом перевязав схваченных ими одного унтер офицера и одиннадцати человек рядовых драгунов с 38^ю лошадьми строевыми того же дня отвели в город Полоцк к французам». Предводительствовали восставшими крестьянами в этом бою Данила Макаров и Ларион Куршонок. При этом надо отдать им должное: они не стремились к кровопролитию. Из всего отряда драгун погибли лишь двое – вероятно те, что стояли на посту, охраняя сон товарищей, и успели схватиться за оружие при внезапном нападении.

Избитый и опозоренный поручик с избежавшими пленения драгунами, хотя и лишились лошадей, но всё же добрались до своего лагеря и сообщили командованию о произошедшем. «После сего поступка бунтующих крестьян, командирован был для усмирения их того ж Московского Драгунского полка майор Шокгоф со всем ескадроном, против котораго равным образом крестьяне во множестве собрались в Дейчине, но майор Шокгоф разными маневрами ескадроном показал им вид многочисленного войска, а потом всячески старался прекратить бунт и уговорил крестьян разойтись по своим местам, причём схватил самых главных их возмутителей и представил к командующему Армиию».

Закончилась эта история гораздо печальнее, нежели повествуют о том сохранившиеся фиксации стихотворения Яна Барщевского. Над арестованными «учреждён был военный суд при первом Отделённом Корпусе». Заседание суда проходило, по-видимому, в Соколищах; «по приговору онаго суда и по конфирмации вышеупомянутого Командующаго Армией Господина Генерала от Кавалерии и кавалера Графа Витгенштейна наказаны смертию в страх и к воздержанию других от подобных поступков: Шляхтич Леон Игнатовский [...] повешен при мызе Малиновскаго в деревне Снитковке. Дворовый человек Данила Макаров [...] повешен при мызе Казулина на том месте, где им разбита была та команда. Крестьянин Семён Грачуха [...] повешен [...] в деревне Дворище. Крестьянин Ларион Куршонок [...] повешен на месте его действий в деревне Дейчине. – Прочиеж соучастники их крестьяна, по мере каждаго преступления наказаны все телесно и отданы их помещикам».

Сравнивая документальное описание этих событий со стихотворением Яна Барщевского, невозможно не обратить внимания на ряд несоответствий в изложении фактов. В художественном произведении не упоминается о роли шляхтича Леона Игнатовского. Напротив, французы, не имея переводчика, объясняются с местными жителями с трудом, в основном при помощи жестов, а к мыслям о свободе крестьяне приходят самостоятельно, без посторонних призывов. Вместо лакея Минки документ упоминает о другом мужицком вожде – дворежном человеке пана Малиновского по имени Данила Макаров. Возможно, это тот, кто в некоторых вариантах текста фигурирует под именем «Даніла, у которага вялікая сіла». Кроме того, в стихотворении имеется небольшая, но значимый временной сдвиг: отряд французов покидает имение, едва заслышав канонаду в Клястицах. Битва эта началась 18 (30) июля во второй половине дня. Однако на самом деле французские мародёры пришли в Шнитовки двумя днями позже – 20 июля (1 августа), когда бои уже сместились к берегам Дриссы. Неточно указано в стихотворении и расстояние от мест, где возник бунт, до Клястиц: «У Кляссіцах о дзве мілі // Крвавую вайну чынілі». Русская миля (а в тот период времени также и польская) равнялась семи верстам (7,4676 км), стало быть, расстояние составляло не две, а почти пять миль. Следует также отметить, что комментарий Р. Подберезского к стихотворению грешит многими неточностями – вероятно, по причине того, что со времени описанных событий до публикации «Шляхтича» прошло три с лишним десятилетия. Ещё менее соответствует фактам комментарий Р. Земкевича.

⁸ 21 августа по новому стилю.

В этой истории имеется ещё одно интересное обстоятельство. Подчеркнём ещё раз: бунт в Шнитовках не был единичным случаем, совсем напротив, подобные события происходили во множестве. А.Х. Бенкендорф, который в то время воевал в армейском партизанском отряде, действовавшем на двинском правом берегу восточнее Полоцка, впоследствии вспоминал: «Дворяне этих губерний Белоруссии, которые всегда были поддонками польского дворянства, дорого заплатили за желание освободиться от русского владычества. Их крестьяне сочли себя свободными от ужасного и бедственного рабства, под гнётом которого они находились благодаря скупости и разврату дворян; они взбунтовались почти во всех деревнях, переломали мебель в домах своих господ, уничтожили фабрики и все заведения и находили в разрушении жилищ своих мелких тиранов столько-же варварского наслаждения, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты» [14, с. 78–79]. Витебский вице-губернатор И.Л. Сушко, пребывающий в Луге, 8 (20) августа написал Витгенштейну письмо, в котором, в частности, сообщил: «В поветах Полоцком, Городецком и Невельском, по внушениям неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости, не только многочисленные крестьяне вышли из повиновения своих помещиков, но оных ограбив и изгнав, достигли высочайшей степени буйства и возмущения, так что и земския полиции не в силах укрепить их. То по сим причинам неужгодно ли будет признать ваше сиятельство нужным обратиться на столь опасный предмет особенного внимания вашего, сколько и к пресечению сего зла, приведению в спокойствие возмущившихся, сколько и к охранению командированных чиновников, назначить приличный отряд, который бы в случае надобности и действие своё производил по мере требования тех же чиновников» [15, с. 35–36]. Об этом же позднее писал Витгенштейну из Великих Лук и витебский губернатор И.Ф. Лешерн, прося отрядить «эскадрон конницы и к нему ещё 200 казаков» [16, с. 310]. Однако командующий корпусом отказал в посылке военной команды. Возникает вопрос: почему же в обсуждаемом случае он отреагировал при первой же возможности – сразу, едва лишь окончилось сражение под Полоцком?

Причин для этого могло быть несколько. Во-первых, Шнитовки находились относительно недалеко от его военного лагеря в Соколищах. Во-вторых, был разграблен казённый продовольственный магазин, от которого зависело снабжение русских войск. В-третьих, существенное значение для русской армии имел полный контроль над Невельской дорогой, и беспорядки на её протяжении были недопустимы.

Рисунок 6. – П.Х. Витгенштейн и А.С. Витгенштейн

Однако было и четвёртое обстоятельство. Дело в том, что женой Петра Христиановича была Антуанетта Станиславовна (Антония-Сесилия) Снарская, дочь маршала (предводителя дворянства) Полоцкого наместничества Станислава Адамовича Снарского. А Краснополье, в непосредственной близости от которого бушевал бунт, принадлежало её брату, Константину Станиславовичу Снарскому [17, с. 56]. По всей видимости, в решении о командировании отряда драгун сыграли роль в том числе и семейные связи.

О Полоцком поветовом маршале (предводителе дворянства) Иосифе (Юзефе) Михайловиче Рьпинском (Рипинском) тоже кое-что известно [18, с. 219, 255; 19, с. 422]. Был он двоюродным дядей писателя А.Ф. Рьпинского. Землями на восточном берегу Нещерды его предки владели с первой половины XVIII в. В 1812 г. за старательную и активную свою службу и за содействие русской армии по представлению Витгенштейна он был награждён орденом Св. Анны II степени. Не исключено, что эта милость была оказана ему в некой связи с подавлением мятежа. Имена и подробности биографий прочих местных помещиков,

в имениях которых происходили описанные события, – отставного надворного советника Малиновского, дворян Политики (Поветики?), Драшковского, Богомольца и арендатора Рудинского, – мы пока не знаем.

Остаётся сказать ещё несколько слов об офицерах, подавлявших крестьянский бунт, и об их воинской части [20, с. 115–116, VIII–IX, XXXIII–XXXVII]. Московский драгунский полк состоял во Втором кавалерийском резервном корпусе Западной армии и участвовал в Бородинском сражении. В корпусе же Витгенштейна находился лишь резервный эскадрон этого полка, он входил в состав сводного драгунского полка Девятой кавалерийской дивизии генерал-майора князя Н.Г. Репнина-Волконского. Эскадрон участвовал в сражениях под Клястицами, на реке Свольне, а также в Первом и во Втором Полоцких сражениях. Командовал эскадронам майор Александр Мартынович Шокгоф. Служил он с 1793 г., в офицеры был произведён в 1799 г., чин капитана получил в 1809 г., а майора – в апреле 1812 г. В апреле 1813 г. он был награждён золотым оружием с надписью «За храбрость» [21, с. 135], в августе 1820 г. произведён в подполковники, а в феврале 1823 г. за выслугу 25 лет в офицерских чинах, награждён орденом Св. Георгия IV степени [22, с. 101]. В эскадроне под его началом служили поручики Казанцев, Цеханович 1-й, Квятковский, прапорщики Янковский и Скрынский, а также 15 унтер-офицеров и 98 рядовых. Квятковский – совсем молодой человек, произведённый в поручики лишь в апреле – погиб во Втором Полоцком сражении 7 (19) октября 1812 г. Имя его увековечено на мраморной плите 18-й стены храма Христа Спасителя в Москве.

А теперь посмотрим, что происходило в то же самое время с самим Яном Барщевским. Об этом он сам повествует в своей книге «Шляхтич Завальня» в главе «Воспоминания о посещении родного края» [1, с. 2–3]. Мы видим семейство его отца, а также его знакомых и соседей где-то на лесистом берегу реки Дриссы, на краю соснового бора, где они «прятались в лесах от бури наполеоновской войны»; дело происходит перед самой Клястицкой битвой, до того как послышались первые оружейные залпы – то есть, вечером 18 (30) июля.

«Вечер был погожий, на западе румянились облака. На песчаном берегу Дриссы готовили ужин; горели сухие сосновые поленья; в тихой воде отражалось пламя. Знакомые и соседи, собравшись в круг, сидели у костра, говорили о вступлении французской армии в Полоцк, о стычках в разных местах Белой Руси; то радость, то печаль, то надежда слышались в их беседе. Меня тем временем занимала серебристая рыбка, что подсакивала над чистою водой, крики птиц в бору и белка, которая, взобравшись на дерево и прыгая с ветки на ветку, манила меня в лесную чашу. Когда я погнался за этим зверьком, неожиданно вдалеке за бором, где румянился закат, раздался будто гром. Грохотало безостановочно и гулко, словно из-под земли. Удивлённый, бегу я к старшим и спрашиваю, что это значит. Верно, надвигается буря?»

Мой отец прервал молчание и молвил: "Это буря в Клястицах, на Петербургской дороге. Из дальних стран пришла она сюда, сея свинцовым градом. Но напрасно стремится она на север: встретят её там сильные ветра и морозы".

На лицах у всех была заметна тревога. Испуганные женщины со слезами на глазах шептали молитвы, им думалось, что там каждый залп посылает на тот свет несколько десятков человек. Они дрожали, будто перед Страшным Судом, и вся эта бессонная ночь прошла в разговорах. Старики вспоминали минувшее, задумывались о будущем; какая-то надежда теплилась в их мыслях. Я ж на крыльях хотел бы лететь туда, чтоб увидеть тот театр войны и смелых воинов».

Попробуем уточнить, где располагалось это место. Барщевский описывает его, рассказывая о своей поездке в Полоцк: «Вот шумит быстротечная река Дрисса, спешит к Двине через густые леса и песчаные боры: хорошо её помню; на том берегу было некогда кострище, сейчас оно уже заросло травой; время стёрло с лица земли ту памятку, но она осталась в моей душе». Далее он указывает, что «недалеко от этих мест, над рекою Дриссой, стоит имение Краснополь, окружённое со всех сторон лесом». Взглянув на карту, легко понять, что ехал Барщевский из Невеля и смотрел на памятное место с левого, противоположного, берега реки, на том её участке, что прилегал к невельской дороге, то есть, не далее пяти километров выше по течению от Краснополя.

Возникает вопрос: а почему отец писателя, священник Мураговской церкви Иван Фёдорович Барщевский, решил оставить свой храм, свой приход и вместе с соседями отправиться в леса аж за 20 км к юго-востоку? Русская армия была достаточно далеко на западе, главные силы французов в Полоцке. Основные же боевые действия разворачивались на себейской дороге, ведущей к столице. От кого же он был принуждён спасаться? Возможен лишь один ответ: семейство отца Барщевского скрывалось вместе с местными панями, загнанными в лес французскими мародёрами и бунтующими крестьянами, среди которых находились его же прихожане. Перепадало от тех, видимо, не только помещикам, но и священникам – всем, у кого имелись хоть сколь-нибудь существенные продовольственные запасы. И опасность явно заключалась не только в возможной утрате имущества. Как бы то ни было, для родни писателя всё окончилось более или менее благополучно. В клировой ведомости за 1813 г. И.Ф. Барщевский отмечает: «Хотя и были неприятельские нападения и внутри прихода разорении церковь и мой дом Бог сохранил» [23, л. 107об].

Заключение. Вот, пожалуй, и всё, что удалось узнать на сегодняшний день о данном эпизоде биографии Яна Барщевского и об исторической основе его стихотворения «Рабункі мужыкоў». Возможно, данная информация окажется бесполезной при поиске ранее не идентифицированных фрагментов стихотворения и при дальнейших попытках его реконструкции.

Рапорт начальника генерального штаба российской армии Ф.Ф. Довре военному министру генерал-лейтенанту князю Алексею Ивановичу Горчакову от 1 (13) ноября 1812 г.

Управляющему военным Министерством Господину Генерал Лейтенанту и кавалеру князю Горчакову I^{му}!
Начальника Генерального штаба
Генерал Маиора Довре

Рапорт

Полоцкого Уезда около Краснополя помещиков: Отставного надворного Советника Малиновского, Полоцкого поветового Маршала Рыпинского, отставного подполковника Снарского, Дворян: Политики, Драшковского и Богомолеца крестьяне в прошлом июле месяце взбунтовавшись, вышли из повиновения у своих помещиков и соединясь с французскими марадёрами, разграбили Казённой Магазиен состоящий в деревне Дворище при мызе помещика Политики, потом все мызы ограбили ж и своих помещиков прогнали. Для усмирения оных, командирован был Московского Драгунского полка поручик Квятковский с 40 человеками конных драгун, о прибытии коего в Краснополе крестьяне помещика Рыпинского осведомившись, собрались вооружённые ружьями, пистолетами, коляями, и выгнали его из деревни Каменки; потом соединясь других вотчин с крестьянами, составили толпу до пяти сот человек, преследовали онаго Квятковского по всем местам; а на конец при мызе Казулине августа 9го числа на развете обошли его со всех сторон та их толпа, бунтовщики с стрельбою и большим криком бросились на команду, смяли онаю, убив до смерти двух человек драгун и столько же лошадей, поручика Квятковского и заседателя Ольшевского прибили безчеловечно, потом перевязав схваченных ими одного унтер офицера и одиннадцати человек рядовых драгунов с 38^ю лошадьми строевыми того же дня отвели в город Полоцк к французам. После сего поступка бунтующих крестьян, командирован был для усмирения их того ж Московского Драгунского полка майор Шокгоф со всем ескадроном, против котораго равным образом крестьяне во множестве собрались в Дейчине, но майор Шокгоф разными маневрами ескадроном показал им вид многочисленного войска, а потом всячески старался прекратить бунт и уговорил крестьян разойтися по своим местам, причём схватил самых главных их возмутителей и представил к командирующему Армиию. – Над коими учреждён был военный суд при первом Отделённом Корпусе, по приговору онаго суда и по конфирмации вышеупомянутаго Командующаго Армией Господина Генерала от Кавалерии и кавалера Графа Витгенштейна наказаны смертию в страх и к воздержанию других от подобных поступков: Шляхтич Леон Игнатовский, которой добровольно записавшись во французскую службу, июля 20го числа в День сражения бывшаго под Клястицами, приехал в вотчину помещика Малиновского с 14^ю французами, объявил крестьянам вольность, приказывал им на господские пригоны не ходить и господина своего не слушать, позволил разграбить мызу онаго помещика Малиновского, ис того времени он Игнатовский провозглашая вольность, бунтовал разных помещиков крестьян, находился с ними в грабительстве, повешен при мызе Малиновского в деревне Снитковке. Дворовый человек Данила Макаров, услыша о вольности от Игнатовского, первой обругав своего помещика Малиновского стал грабить в мызе господские веци, потом управлял во всё время бунтующимися крестьянами, напал с оными на команду драгун при деревне Казулина, как начальник бунтовщиков, отвёл в плен к французам двенадцать человек российских драгун и тридцать восемь строевых лошадей, повешен при мызе Казулина на том месте, где им разбита была та команда. Крестьянин Семён Грачуха, привёл французских марадёров и бунтующих с ними крестьян в свою вотчину помещика Политики, взбунтовал крестьян, поощрил их на грабёж мызы своего помещика и при оной состоявшаго Казённаго провиантскаго Магазиена, повешен при той мызе в деревне Дворище. Крестьянин Ларион Куршонок, навёл французов и бунтующих крестьян в мызу своего помещика Рыпинского и ограбил онаю ночным временем, искал случая убить Арендатора Рудинского и начальствовал во время разбоя военной команды, повешен на месте его действий в деревне Дейчине. – Прочиеж соучастники их крестьяна, по мере каждого преступления наказаны все телесно и отданы их помещикам. О чём вашему Сиятельству на основании Устава военного судопроизводства Действующей Армии 2^й гл. 2го Отделения §76го, честь имею донести.

Генерал маиор Довре
№ 331^й Местечко Чашиники Ноября 1го Дня 1812го года [12, л. 41–42].

ЛИТЕРАТУРА

1. Barszczewski, J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Tomik drugi / J. Barszczewski. – Petersburg : K. Kraj, 1845. – 113 s.
2. Barszczewski, J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. [Т. 1] / J. Barszczewski. – Petersburg : Kraj, 1844. – XLI–95 s.
3. Хаўстовіч, М.В. «Рабункі мужыкоў» Яна Баршчэўскага // М.В. Хаўстовіч / Даследаванні і матэрыялы: Літаратура Беларусі канца XVIII–XIX стагоддзя. Т. 4. – Warszawa : Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. – С. 49–100.
4. Пацюпа, Ю.В. Беларускія вершы Яна Баршчэўскага: праблемы рэканструкцыі, атрыбуцыі і эдыцыі / Ю.В. Пацюпа. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 136 с.

5. Земкевіч, Р. Ян Баршчэўскі: Першы беларускі пісьменнік XIX стагоддзя (Успамін у 60-летнюю гадаўшчыну сьмерці) / Р. Земкевіч. – Вільня : Друкарня Марціна Кухты, 1911. – 12 с.
6. Catalogus sociorum et officiorum Societatis Jesu in Imperio Rossiaco ex anno 1811 in annum 1812. – Polocia: [s.n.]. – 48 p.
7. Морошкин, М.Я. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1 / М.Я. Морошкин. – СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – 501 с.
8. Попов, А.И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле-августе 1812 г.) / А.И. Попов. – М. : Книга, 2010. – 120 с.
9. Французы в России: 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев / сост. А.М. Васютинский [и др.]. – М. : Задруга, 1912. – Ч. I. – 200 с.
10. Do wszystkich Zwierzchności Departamentowych, Powiatowych, Muncypalnych i Wieyskich! // Kurjer Litewski. – 1812. – 15 lipca. – № 52. – S. 2.
11. Семевский, В.И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной / В.И. Семевский // Отечественная война и русское общество: 1812–1912 : в 7 т. – Юбил. изд-е. – М. : Т-во И.Д. Сытина, 1912. – Т. 5. – С. 74–113.
12. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2584.
13. Бабкин, В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. / В.И. Бабкин // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков / отв. ред. В.И. Шунков. – М. : Наука, 1969. – С. 343–350.
14. [Бенкендорф, А.Х.] Записки Бенкендорфа / [А.Х. Бенкендорф] // Харкевич, В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. II / В.И. Харкевич. – Вильна : Тип. Штаба Виленского военного округа, 1903. – С. 53–138.
15. Отечественная война 1812 года. – СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1900–1914. – Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). – 1911. – 283 с.
16. Отечественная война 1812 года. – СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1900–1914. – Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том XVII. Боевые действия в 1812 г. (Журналы военных действий и переписки – июнь – декабрь). – 1911. – 374 с.
17. Декабристы: Биографический справочник / Изд. подг. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. – М. : Наука, 1988. – 448 с.
18. Хмяльніцкая, Л.У. Лёс інсургента: дакументальная аповесць аб Аляксандру Рыпінскім і ягоным часе / Л.У. Хмяльніцкая. – Мінск : Лімарыус, 2019. – 287 с.
19. Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1812 : в 2 ч. – СПб. : Имп. Академия наук, 1812. – Ч. 2. – 519 с.
20. Гуров, В.П. Московские драгуны в Отечественной войне 1812 г. / В.П. Гуров. – М. : Типография Штаба Московского военного округа, 1912. – LXIV – 128 с.
21. Исмаилов, Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость»: Списки кавалеров 1788–1913 / Э.Э. Исмаилов – М. : Новая Басманная, 2007. – 541 с.
22. Степанов, В.С. В память столетнего юбилея Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869) / В.С. Степанов, П.И. Григорович. – СПб. : Типография В. Д. Скарятина, 1869. – LXXXVI – 229 с.
23. Российский государственный исторический архив. – Ф. 823. Оп. 3. Д. 1313.

Поступила 06.05.2020

STROKES TO JAN BARSZCZEWSKI'S BIOGRAPHY: «THE CUDGEL OF THE PEOPLE'S WAR»

D. VINOKHODOV

The article considers the historical context of Jan Barszczewski's The Peasants' Robbery. The full text of the document, allowing establishing the true names of the poem actors, the authentic sequence of events and their places of action, including those left beyond the known fixed forms, is given. The reasons of quick suppression of the peasants' rebellion near Lake Neshcherdo are revealed. Some details about the persons involved in these events are found out. The episode of Jan Barszczewski's biography, associated with the flight of his father's family from danger, is analyzed.

Keywords: Jan Barszczewski, War of 1812, peasants' rebellion, historical context of literary work, The Peasants' Robbery.